HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Татарские служащие в Казахской степи : от посреднических функций к многообразию собственных интересов
Author(s)	Шаблей, Павел
Description	Feartured Review
Citation	Acta Slavica Iaponica, 46(2), 179-185
Issue Date	2025
DOI	https://doi.org/10.14943/ASI.46-2.179
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/99163
Type	departmental bulletin paper
File Information	13_Acta46-2_Shabley.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 46, Issue 2, pp. 179–185

Feartured Review

Татарские служащие в Казахской степи: от посреднических функций к многообразию собственных интересов

Г.С. Султангалиева. Татарские муллы и письмоводители в Казахской степи (XVIII–первая половина XIX в.): монография в документах / Под ред. И.Г. Гумерова, А.М. Ахунова. Казань: ИЯЛИ, 2023. 300 С.

Г.С. Султангалиева. Татарские переводчики, толмачи в Казахской степи (XVIII–первая половина XIX в.): монография в документах / Под ред. И.Г. Гумерова, А.М. Ахунова. Казань: ИЯЛИ, 2023. 300 С.

Перед нами две новых книги известного казахстанского историка Гульмиры Салимжановны Султангалиевой. И ту, и другую объединяет то, что объектом исследования автора является посредническая роль татарских переводчиков, толмачей, мулл, письмоводителей в Казахской степи в XVIII–XIX вв. Исследователи уже обращались к изучению деятельности этих акторов в Казахской степи.[1] Однако коммуникативные функции мулл, письмоводителей, переводчиков и толмачей не получили какого-либо тщательного освещения. Одно из несомненных и, пожалуй, наиболее значимых достоинств этих книг заключается в том, что деятельность всех указанных мною групп исследуется комплексно. Во-первых, татары рассматриваются в качестве неотъемлемого элемента российской имперской политики, которая преследовала цель цивилизировать казахов, добиться формирования политической лояльности среди них, реализовать задачи по административной интеграции кочевых регионов. Во-вторых, татары предстают перед нами не только в качестве агентов империи, ее соратников и пособников. В рецензируемых книгах приводится материал, свидетельствующий о том, что многие татарские муллы, письмоводители,

1 *Ремнев А.В.* Татары в Казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31; *Айтбаева Р.Т.* Государственная политика Российской империи по отношению к исламу в Казахстане в XIX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Алматы. 2006; *Каримов Т.А.* Политика Российского правительства и татарские муллы в северо-западных казахских землях (вторая половина XVIII–начале XX вв.) // Источники существования мусульманских институтов в Российской империи. Сб. статей. Казань, 2009. С. 144–162; *Осипова Я.В.* «Трудности перевода»: переводчики и толмачи как посредники культур на южноуральском порубежье Российской империи в XVIII веке // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам. 2020. № 1. С. 7–19 [http:cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-perevoda-perevodchiki-i-tolmachi-kak-posredniki-kultur-na-yuzhnouralskom-porubezhie-rossiyskoy-imperii-v-xviii-veke] (дата обращения: 11. 02. 2024); Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / Под редакцией А.Н. Кононова. Москва: Наука, 1989.

переводчики, толмачи отправлялись в Казахскую степь по разным причинам. Одни намеривались служить государству и отстаивать его интересы. У других было множество собственных прагматических соображений. Например, уклониться от воинской повинности, породниться с влиятельными казахами и упрочить, тем самым, свой авторитет, развернуть активную экономическую деятельность и пр. В-третьих, автор благодаря обилию источниковедческого материала воссоздает личностный портрет некоторых значимых татарских мулл, письмоводителей, переводчиков и толмачей. Такой тщательный анализ позволяет реконструировать большой пласт социальной истории. Оказывается, в Казахской степи формировались целые династии татарских мулл, письмоводителей, и толмачей. Они обладали обширными связями не только со своими единоверцами в разных регионах Российской империи, но и оказывали большое влияние на особенности реализации колониальной политики: вели переговоры с казахской правящей элитой, деятелями национально-освободительных движений, представителями средне-азиатских ханств.

В структурно-содержательном отношении книги Г.С. Султангалиевой состоят из исследовательской части, документов и научно-справочного аппарата. Например, в работу о татарских переводчиках и толмачях включено 119 архивных источников. Другая книга — о татарских муллах и письмоводителях — содержит 133 документа. Многие из них вводятся в научный оборот впервые. Автор проделал огромную археографическую работу. Была осуществлена подборка и последующая обработка документов из таких архивов как Центральный государственный архив Республики Казахстан, Государственный архив Оренбургской области, Российский государственный исторический архив, Российский государственный военно-исторический архив.

Несомненным достоинством книг Г.С. Султангалиевой также является то, что подобного рода фундаментальные работы позволяют углубить наши знания об особенностях российской имперской политики в Казахской степи, понять, какую роль в ее осуществлении играли так называемые колониальные посредники. Так, например, если мы взглянем на содержание книги о татарских переводчиках и толмачах, то можем обнаружить в ней помимо прочего детальный анализ биографии ахуна Мухаммада-Шарифа Абдрахимова. Это очень яркая и убедительная иллюстрация деятельности влиятельного татарского муллы, сыгравшего важную роль в реализации административных реформ империи, налаживании мирных отношений между чиновниками и казахами в период активизации национально-освободительного движения султана Кенесары Касымова (1847–1847 гг.). При этом Мухаммад-Шариф Абдрахимов предстает перед нами не в качестве лишенного личной инициативы безвольного проводника имперских инструкций. Этот татарский деятель пытался переосмыслить значение понятия ахун в отличном от империи смысле —

не столько в качестве почетного звания и лояльного чиновника, как считали многие чиновники,[2] а как важного с мусульманской точки зрения знатока шариата. Таким образом, подобного рода пример позволяет говорить о том, что культурная разобщенность между имперскими чиновниками и самими мусульманами могла оказывать большое влияние на особенности местного управления. Очень интересным и оригинальным по своей сути выглядит последний раздел этой книги — «Деятельность татарских мулл, письмоводителей и толмачей глазами казахов (XVIII – первая половина XIX в.)». Речь идет о том, что какого-либо однообразного восприятия татар среди казахов не было. Существовал широкий диапазон образов и представлений: представители новой власти, тамыр («кровный друг»),[3] ученый и грамотный человек и пр. В то же время, подчёркивает автор книги, сами татары представляли себя в качестве культуртрегеров — наставников, несущих исламские знания, культуру оседлой жизни. Кроме этого, они выступали в роли посреднического звена, способного донести до кочевников дух перемен, происходивших в Российской империи.

Несомненно, что книга о татарских переводчиках и толмачах содержит также немало интересных и новаторских разработок. Взять хотя бы раздел о татарских переводчиках, толмачах, которые помимо других своих обязанностей выступали еще в качестве приставов и попечителей в Степи. Они входили в состав специальных депутаций казахской элиты, которые отправлялись в Санкт-Петербург, чтобы выразить свою лояльность правящему двору. По сути, переводчики, участвуя в этих депутациях, были связующим звеном между интересами разных вертикалей имперского управления и казахской верхушкой. Эта научная проблема стала интенсивно разрабатываться сравнительно недавно.[4]

Рецензируемые книги представляют отличную возможность для активизации прежних и зарождения новых дискуссий по различным вопросам истории Казахской степи в колониальный период. Так, например, рассматривая деятельность татарских мулл, письмоводителей, переводчиков и толмачей в качестве коммуникативной и посреднической, автор убедителен, когда говорит о разных механизмах взаимодействия и вза-

2 Российский государственный исторический архив (РГИА). ф. 821. оп. 8. д. 1000. «Дело о выяснении сущности магометанского звания “ахун” и порядка избрания и утверждения ОМДС разных лиц в этом звании». д. 34–35.

3 Это понятие имело несколько ассоциаций: от угрозы попадания к татарским торговцам в кабалу до установления дружеских отношений (стр. 76).

4 *Ремнев А., Сухих О.* Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским репрезентациям // Ab Imperio. 2006. № 1. С. 119–154; Казахские депутации к российскому императорскому двору. 1801–1873 гг.: Сб. док / Сост. Б.Т. Жанаев. Алматы: Қазақ университеті, 2019; *Ю.А. Лысенко.* «Депутатские миссии» казахских ханов, султанов и родоправителей ко двору российских императоров в первой половине XIX в. // Bylye Gody. 2018. Т. 50. Вып. 4. С. 1518–1529.

имовлияния между империей и Степью, татарами и казахами. В то же время определенный интерес представляет вопрос о различиях между такими понятиями как посредник и коллаборант.[5] Почему исследователи избегают активного использования понятия коллаборант применительно к местным элитам и национальным меньшинствам, которые сотрудничали с властями Российской империи? Между тем, для многих татарских мулл, переводчиков, толмачей и письмоводителей служба была не только возможностью для реализации своих амбиций и инициатив. Не следует исключать и то обстоятельство, что некоторые из них не обладали какой-то стратегией личностного развития и в силу разных обстоятельств отдавали предпочтение тактике выживания и приспособления. Учитывая сказанное, интересно было бы понять, что происходило с татарским муллой, толмачом, когда империя переставала оказывать активное влияние на их жизнь и карьеру?

Другой не менее важный вопрос — это проблема так называемого «отторжения» татарских мулл, письмоводителей, переводчиков и толмачей во второй половине XIX века. Иначе говоря, считается, что благодаря росту исламофобии, разработке проектов новых реформ, роль этих акторов в имперской политике начинает переосмысливаться. Муллы, как впрочем и другие мусульмане, занятые на государственной службе, в новых политических реалиях воспринимаются в качестве «уважаемых врагов» империи,[6] опасных культуртрегеров способных оказать серьезное негативное воздействие на планы Российской империи по русификации Казахской степи.[7] Соглашаясь в целом с такими выводами, Г.С. Султангалиева, тем самым, продолжает развивать уже прочно сложившуюся в историографии тенденцию об определенной эволюции культурного и политического восприятия ислама в Казахской степи российскими чиновниками и ориенталистами и кардинальном изменении отношения к татарам в середине XIX века.[8] Такие подходы несколько упрощают наше понимание происходившего. Во-первых, очень сложно говорить о какой-то безусловной согласованности действий между региональной администрацией и

5 Эта мысль — проводить различия между посредниками и коллаборантами в контексте Российской империи — была сформулирована С.Н. Абашиным на защите магистерских диссертаций в Высшей школе экономике в июне 2024 года.

6 *Мацузато К.* Генерал-губернаторы в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Сб. статей / Науч. ред. А.М. Семенов, И.В. Герасимов, М.Б. Могильнер, А. Каплуновский, С.В. Глебов. Казань, 2004. С. 450–451.

7 *Ремнев А.В.* Татары в Казахской степи. С. 5–31.

8 *Нургалиева А.М.* Очерки по истории ислама в Казахстане. Алматы, 2005; Она же. О влиянии правительственной конфессиональной политики на процесс исламизации казахов в XVIII–XIX вв. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 3. Москва, 2009. С. 135–161; *Ремнев А.В.* Российская империя и ислам в Казахской степи (60–80-ее годы XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 32. Москва, 2006. С. 238–277.

Санкт-Петербургом. Дефицит и нехватка профессиональных кадров, отсутствие среди чиновников разборчивости и знаний в сфере языка и культуры казахов сводили зачастую проблему устранения татарских мулл и переводчиков к обычной риторике. Как свидетельствуют разнообразные мусульманские и архивные источники, нормативные акты и распоряжения администрации, направленные против татарских мулл, не всегда работали.[9] Во-вторых, многие стороны жизни мусульман, например, деятельность ишанов и других суфийских лидеров в Казахской степи не были в отличие от мечетей, вакуфов институционализированы (особенно на правовом уровне). Как правило, имперские нормативные акты и отчеты чиновников игнорируют этот важный аспект, сообщая лишь о популярности и влиянии того или иного ишана. Так или иначе, это очень важный момент, потому что суфии несмотря на существовавшую негативную политическую риторику («лжепророк», «новое магометанское учение» и пр.) не всегда стремились изолировать себя от связей с государством. Некоторые из них были задействованы местными казахскими чиновниками в качестве письмоводителей, мулл, переводчиков.[10]

Несмотря на то, что материал рецензируемых книг достаточно обширен и многогранен, тем не менее, он производит несколько однообразное впечатление — институциональный фон (существующая система законодательства, взгляд на татар как на проводников интересов государства, роль Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС)) задавал определяющий тон деятельности татар в Казахской степи. В монографии представлено сравнительно немного документов, отражающих влияние татар на сложную динамику культурных и общественных изменений в самой Казахской степи. Например, многие беглые татары служили в качестве мулл и письмоводителей у казахской знати, и эти факты были известны российской колониальной администрации.[11] Однако власти не всегда обращали на это внимание. Вместе с этим, процесс отправки татарских мулл в Казахскую степь сложно назвать системным явлением. На всем протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв. наблюдались, с

9 См., например: Российский государственный исторический архив. ф. 821. оп. 133. *л*. 588. *л*. 2–4; Рәдиягә җавап // Вакыт. 1906. № 71. Б. 6.

10 Примечательна здесь история ишана и ходжи Шахи Ахмеда ас-Сабави (1812–1878), который в 1820-е гг. переселился из внутренних регионов Российской империи в Казахскую степь. По просьбе старшего султана Аягозского округа он служил в местном окружном приказе. Однако, случившийся через некоторое время конфликт с местными казахскими чиновниками (предположительно в конце 1830-х гг.) привел к тому, что ас-Сабави был обвинен в каких-то враждебных действиях против империи, сдан русским властям и сослан в Восточную Сибирь. См.: *Маңабай А.* Әзиз әулет: Шахиахмед Хазрет пен оның інісі Фатих имамның һәм олардың ұрпақтарының шежіресі. Алматы, 2001. Б. 57–58, 134.

11 См.: Государственный исторический архив Омской области. ф. 3. оп. 3. *л*. 3644. «По отношению штаба Отдельного Сибирского корпуса с делом об азиатце Мансурове, проповедующем в киргизской степи новое магометанское учение». *л*. 435–441.

одной стороны, противостояния между разными представителями имперского управления по поводу так называемого «татарского фактора», которые могли блокировать или поддерживать этот процесс. С другой стороны, несбалансированностью системы государственного регулирования ислама успешно пользовались представители татарских религиозных кругов. Сохранилось много документов, когда ахуны или имамы выдавали от своего имени, или от лица ОМДС разрешения местным казахам или татарам занять ту или иную духовную должность в кочевых регионах.[12]

Так как ключевую роль в своих исследованиях Г.С. Султангалиева отводит коммуникативным функциям татар, мы должны задуматься о том, почему именно татарскому языку и его носителям уделялась такая важная роль? С одной стороны, это был язык делопроизводства и эффективный рычаг колониальной политики. Поэтому нет никакого сомнения в том, что в XVIII веке Российская империя испытывала дефицит в людях, владевших данным языком и к тому же хорошо разбиравшихся в особенностях культуры и быта казахов и других среднеазиатских регионов. С другой стороны, мы не должны забывать, что уже в первой половине XIX века в разных уголках империи, включая и приграничные с Казахской степью регионы, появляются учебные заведения, готовившие переводчиков татарского языка. Среди таких кадров было много выходцев из разных слоев русского общества (казаки, обер-офицерские дети, мещане и пр.). Обращая внимание на эти процессы, пожалуй, следует больше уделить внимания контексту, и сказать о том, что не только татары могли быть посредниками между имперскими институтами и казахской элитой (здесь, как минимум, требуется тщательный сравнительный анализ качественного и количественного состава служащих разных колониальных ведомств). По крайней мере, уже в реалиях первой половины XIX века. Очевидно, что практики доверия к конкретным людям и особенности их интеграции в империю играли более значимую роль, чем риторика об угрозах со стороны отдельно взятого этноса или конфессии. Поэтому не стоит удивляться тому обстоятельству, что именно в разгар исламофобии (вторая половина XIX века) некоторые татары, башкиры и другие мусульмане, начиная свою деятельность с должности толмача, письмоводителя или переводчика в Средней Азии, сделали весомую карьеру.[13] Такого же рода примеры можно привести и в отношении некоторых переводчиков татарского языка — русских по про-

12 См.: Национальный архив Республики Башкортостан. ф. И-295. оп. 3. *л.* 3911. «Дело по сообщению губернатора о халатном отношении ахуна к своим обязанностям и нарушении законов».

13 Один из характерных примеров — это деятельность Ш. Ибрагимова. Занимая должность переводчика при Туркестанском генерал-губернаторе, он в 1891 году стал русским консулом в Джидде. См.: *Кейн А.* Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку / Пер. с английского М.Р. Ибатуллина, 2021. С. 111–113.

исхождению.[14] В то же время коль речь идет об особенностях языка и поведении его носителей (в данном случае природных носителей) было бы интересно узнать о различных практиках манипуляции переводом. Как показали исследователи, неточный перевод мог серьезно обострить отношения между Российской империей и среднеазиатскими ханствами, нанести существенный урон репутации переводчика.[15] Если не брать в расчет дискурс о недоверии к мусульманским переводчикам, как в целом обсуждался в Российской империи вопрос о качестве переводческого корпуса отдаленных юго-восточных регионов?

Работы, которые приводят к активизации дискуссий, очень важны с точки зрения развития современного научного знания и методологии. Именно поэтому и та, и другая книги Г.С. Султангалиевой вне всякого сомнения станут прочной теоретической и документальной основой для исследователей, которые захотят изучать как отдельные аспекты социальной истории (например, биографии некоторых мулл, переводчиков, толмачей, письмоводителей), так и более общие вопросы российской имперской политики в Казахской степи и Средней Азии. Кроме этого, я думаю, что эти исследования будут очень востребованы среди студентов и докторантов разных специальностей, так как проблемы коммуникации (взаимодействие между элитой и государством, трансфер знаний, культурный билингвизм и пр.) сейчас особенно актуальны.

Павел Шаблей

14 Это хорошо иллюстрирует деятельность востоковеда В.В. Вельяминова-Зернова, который был переводчиком татарского языка в Азиатском департаменте МИД. Корректируя стиль и язык писем (директора этого департамента Е.П. Ковалевского, министра иностранных дел А.М. Горчакова и даже императора Александра II), адресованнных хивинским правителям, он оказывал существенное влияние на ход российско-среднеазиатских отношений. К тому же Вельяминов-Зернов был доверенным лицом председателя Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьева и информировал его о ситуации в Санкт-Петербурге. См.: *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: Адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. Москва, 2019. С. 133–136.

15 Alexander Morrison, *The Russian Conquest of Central Asia: A Study of Imperial Expansion, 1814-1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 2021), p. 187.